

Субъекты политических процессов в период становления советской власти

© А.А. Мясников

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Калуга, 248000, Россия

В статье рассматриваются субъекты политических процессов в первые годы советской власти, их конкретно-историческая специфика. Предпринимается попытка систематизировать и обобщить актуальные научные подходы для осмысления одной из наиболее переломных эпох в истории нашей страны через понятие субъект политического процесса.

Ключевые слова: субъект политических процессов, восстание масс, массовое общество, массовое сознание, социально-психологический портрет, жизненный путь.

Гипотеза исследования базируется на представлении о том, что гражданин, одновременно выступающий и как объект, и как субъект политических процессов, проявляет свои смысло-жизненные позиции через индивидуальность, обращаясь к внутренним характеристикам которой («жизненный путь») можно проследить культурно-историческую преемственность поколений и смоделировать возможные сценарии актуальных политических процессов, что важно при принятии политических решений. Статья призвана расширить поле научных исследований в области социальной философии.

В последние годы мы видим нарастающий интерес к исследованию советского исторического прошлого и исторического сознания, причем исследований междисциплинарных, мобилизующих подходы истории, социологии, философии, антропологии и культурологии. Вероятно, этот бум отчасти объясняется заметной ролью истории в современной российской политике. Он также связан с характерным для последнего десятилетия интересом исследователей к формированию национальной идентичности [1–3].

Исторический путь России в XX веке пытаются объяснить с разных точек зрения: с претендующей на универсальность теории модернизации и догоняющего развития, в рамках цивилизационного подхода, теории урбанизации и тоталитарной школы. В числе наиболее дискуссионных тем остается вопрос о деятельности большевиков, прервавших, по одной из распространенных точек зрения, преемственность русской истории XX века. В этой связи объективный анализ триумфа и последующей потери власти РКП(б) на долгие годы останется предметом социальной философии, политической и исторической науки.

Советская историографическая традиция была основана на понимании мобилизационной и легитимирующей роли марксистской концепции истории. Представления о главенствующей роли материального производства или классовой борьбы не предполагали иных моделей истории, кроме истории процессов, в первом случае, и истории событий — во втором. На практике советская историография сделала решительный выбор в пользу политической истории, понятой как история классовой борьбы, а событийную историю нередко подменяло изложение социологических схем.

Постсоветская историография, напротив, изобилует многообразием подходов, отражающих тот или иной важный срез социальной реальности, однако не дает полного адекватного отражения и объяснения политических процессов, придает гипертрофированное значение отдельным аспектам развития страны.

В этой связи актуальным представляется рассмотрение политических процессов в «переломные эпохи» с точки зрения их основных субъектов.

В качестве субъектов политики выступают как общественно-политические институты и организации, прежде всего государства и партии, так и народные массы, большие социальные группы, индивидуальные лидеры и политические элиты.

Те или иные группы людей становятся субъектами политики далеко не при всех исторических обстоятельствах и не в любом состоянии, а когда они обретают определенные политические качества, способность через свои организации или непосредственно осуществлять политические роли.

Октябрьская революция и последующая политика большевиков прервала кадровую преемственность в России и вытолкнула во власть людей из прежде безвластных социальных слоев. В движение были приведены огромные массы людей, которые в одночасье стали превращаться в субъект политики.

Именно люди определяли характер установившегося режима, проводили в жизнь его политику и использовали все средства принуждения и идеологического воздействия.

Испанский философ Ортега-и-Гассет охарактеризовал данный процесс «восстанием масс», «политическим господством масс», которым он во многом объяснял кризис западной культуры и цивилизации, и не только он один [4]. Ощущение кризиса цивилизации на Западе стало нарастать в начале XX века и обострилось после Первой мировой войны. Его классическим выражением стала известная книга Освальда Шпенглера «Закат Европы» (1918).

Ортега-и-Гассет писал, что в Европе впервые появляется тип человека, который не считает нужным оправдывать свои претензии и поступки ни перед другими, ни даже перед самим собой; он просто

показывает, что решил любой ценой добиться цели. Вот это и есть то новое, небывалое: право действовать без всяких на то прав. В этом, по его мнению, самое наглядное проявление нового поведения масс, причина же в том, что они решили захватить руководство обществом в свои руки, хотя руководить им они не способны [4, с. 218].

Философ определяет «человека массы» как особую популяцию, вышедшую из подполья, не знающую, что творится на поверхности, — истории нравов, навыка культуры. Ей чужды человеческие качества, в том числе и инстинкт самосохранения. От неожиданного богатства люди потеряли голову и не смогли распорядиться накопленным другими. За несколько десятилетий разорили, истощили землю. И не только: «нет такого вопроса общественной жизни, в который он не вмешался бы, навязывая свои мнения, — он слепой и глухой». Люди без души (как говорил Конфуций, «люди только с виду») не ведают благородства, зова совести, да и просто здравого смысла. Потому и разрушают землю, на которой живут, отравляют воздух, которым дышат» [4, с. 121].

Ортега-и-Гассет уверяет, масса — это «совокупность лиц, не выделенных ничем» [4, с. 36], и если эта порода людей будет хозяйничать в Европе, то через каких-нибудь 30 лет ее народы вернутся к варварству: «Наш правовой строй и вся наша техника исчезнут с лица земли так же легко, как и многие достижения былых веков и культур» [4, с. 121].

«Человек массы» верит, что «он и есть государство, и стремится под всякими предлогами пустить государственную машину в ход, чтобы подавлять творческое меньшинство» [4, с. 231].

Генетически с «восстанием масс», с переходом от традиционного к индустриальному, массовому обществу, с процессом модернизации, причем модернизации догоняющей, по мнению ряда исследователей [5], связан и феномен тоталитаризма. Политический режим в России, утвердившийся после революции, начал осуществлять гораздо более жесткий вариант форсированной модернизации, не считаясь ни с реакцией, ни с возможностями общества. И то, что ему это удалось, нельзя, очевидно, объяснить только политической волей или широким применением насилия. И новый вариант модернизации, и политический режим, его осуществлявший, нашли опору в определенных механизмах массового сознания [6, 7].

Становление массового общества в России происходило одновременно с приходом к власти большевиков и становлением советской власти. РКП(б) стремительно превратилась из подпольной организации в массовую правящую партию. К 1921 году она насчитывала в своих рядах уже 600 тысяч человек, а ее численность с апреля 1917 по сентябрь 1920 года выросла в 10 раз. Старая же большевистская гвардия (т. е. вступившая до февраля 1917 года), хотя и занимала

большинство ответственных постов, но составляла менее 2 % от всех коммунистов [8, с. 156].

Эпоха нарастания в России революционного движения втянула многочисленных выходцев из мещанской, интеллигентской и рабоче-крестьянской среды в политику. Социально-психологический портрет такого человека из народа, ставшего субъектом политики, в отличие от представителей партийной элиты, до сих пор не изучен в полной мере. В советской историографии проблема руководящих кадров революции и послереволюционного десятилетия, не говоря уже о низовом партийном аппарате, представлена довольно бедно и ущербно, она обезличена, сведена к очень узкому кругу «вождей» [9, с. 300]. Их интеллектуальный, образовательный уровень, а также опыт революционной работы заслуживают только наивысших оценок. Но каков жизненный путь «человека массы» в послереволюционной России? Можно ли утверждать, что это «совокупность лиц, не выделенных ничем»?

Безусловным фактором, оказавшим влияние на формирование массового сознания, а также на становление социальной базы РКП(б), был сам марксизм, а также марксистская концепция истории, которые позволяли революционерам соотносить свой непосредственный жизненный опыт с ходом истории. Более того, отождествлять себя с творящими историю революционными массами, если не с самой историей. Ощущение исторического значения своей деятельности было сильнейшим мобилизационным механизмом, заложенным в марксизме. Этому во многом способствовала разработанная В.И. Лениным теория, согласно которой в начале XX века центр мирового революционного движения переместился в Россию. Именно в России, по мнению В.И. Ленина, рождалось будущее человечества [1]. Этот порыв был подхвачен участниками революционного процесса, которые впоследствии стали активно вливаться в ряды РКП(б), что наглядно иллюстрирует такой вид массового источника, как автобиографии рядовых провинциальных коммунистов, написанные в ходе прохождения партийной чистки 1921 года.

В автобиографиях содержатся такие сведения, как пол и возраст, социальное происхождение и род занятий, культурно-образовательный уровень, семейное и материальное положение, особенности партийного пути (время вступления в РКП(б), знакомство с ее программой и революционной литературой, мотивы вступления в партию большевиков, членство в других партиях или отношение к ним, самооценка революционного опыта, участие в политическом движении и Гражданской войне), профессиональная карьера.

И хотя свое знание программы РКП(б) в том или ином виде прослеживается примерно в четверти из общего числа исследованных мною автобиографий коммунистов калужской и тульской партийных

организаций, в них встречаются весьма показательные упоминания причин вступления в ряды большевиков [10]. Отдельные авторы называли следующие причины:

- «ненависть к религии, господам, бесправию солдат»;
- «мысль о свободе»;
- «боязнь белых расправ»;
- «желание прийти на помощь всем трудящимся, так как на себе испытал взгляды и образ жизни капиталистов»;
- «изучение программы партии, защищающей интересы пролетариев»;
- «потому что советская власть за рабочих и крестьян»;
- «у партии есть самые чистые идеи»;
- «дабы не дать буржуазному классу захватить довоенную власть»;
- «программа РКП(б) — это луч света»;
- «классовое неравенство, бесцельность войны и необходимость перемены общественного строя»;
- «так как нашел в лице РКП(б) силу, борющуюся против капитала»;
- «вступил для того, чтобы организация дала мне знания»;
- «потому что только РКП(б) ведет рабочий класс к полному торжеству над буржуазным классом капитала»;
- «1917 год зажег во мне искру самосознания»;
- «только РКП(б) сорвала вековые цепи с рук и ног рабочих и крестьян, выпустила на свободу трудовые массы»;
- «скорее хотел сбросить ярмо капиталистов»;
- «потому что лучше идеи коммунизма не может быть».

В большинстве автобиографий истинные причины, которые могли быть весьма разнообразными — от преданности идеалам коммунизма до сугубо корыстных — не прослеживались. Тем не менее большинство автобиографий объединяет одно немаловажное обстоятельство — недовольство прежней жизнью, наличие реальных случаев угнетения со стороны эксплуататорских классов, стремление помочь всем трудящимся, вера в светлое коммунистическое будущее.

Вторым важнейшим фактором трансформации субъектов политических процессов в исследуемый период стала урбанизация. Большевики не были, вопреки их утверждениям, партией рабочего класса — ни по своему социальному составу, ни по выражению социальных интересов. Так, если в 1917 году в составе РКП(б) рабочих было 60,2 %, крестьян — 7,6 %, служащих — 25,8 %, прочих — 6,8 %, то в 1921 году рабочих — 41 %, крестьян — 28,2 %, служащих — 30,8 % [11]. На самом деле состав партии был еще менее пролетарским, чем это видно из статистики. Выяснить социальное происхождение в условиях Гражданской войны было занятием затруднительным. Данные, предоставляемые вступающими в партию, требовали серьезной

корректировки. Рабочими в анкетах часто называли себя люди, «работавшие по найму», служащие учреждений. Ошибочным также являлось зачисление всех членов волостных и сельских ячеек в категорию «крестьяне», на самом деле их социальный состав был очень пестрым. Наконец, имели место попытки лиц непролетарского происхождения выдать себя за потомственных рабочих. Протоколы комиссий по перерегистрациям 1919 и 1920 годов и проведению партийной недели содержат многочисленные примеры такого рода. Учет этих факторов позволяет утверждать, что процент рабочих в партии был ниже, а служащих и людей, проходивших в партийных переписях по категории «прочие» — выше официальных сведений [12, с. 15].

Более показателен социальный состав отдельных губернских партийных организаций, например, Калужской: на 1 августа 1921 года из 3 143 членов организации рабочими по данным статистики являлись 1 524 коммуниста (48,4 %). Однако обращает на себя внимание тот факт, что другая половина с точки зрения социальной принадлежности не соответствовала большевистским требованиям — 1 246 крестьян (39,6 %), 182 ремесленника (5,8 %), 30 кустарей (0,9 %), 14 учащихся (0,4 %), 266 служащих (8,4 %), 147 интеллигентов (4,7 %) и 129 попали в категорию «прочие» (4,1 %) [13, с. 19–21]. Если обратиться к автобиографиям коммунистов той же Калужской губернии, то среди них преобладали выходцы из крестьянских семей — 286 человек (69,8 %). На пролетарское происхождение указали лишь 60 членов партии (14,6 %). 36 происходили из мещанской среды (8,8 %), а 22 причислили себя к категории служащих (5,4 %). Один указал, что родился в дворянской среде, а двое родились в семьях священнослужителей.

Можно сделать вывод, что большевики были, скорее, партией городских маргиналов. За этим «аморфным» термином стоит вполне конкретная социальная (и социально-психологическая) категория. Это люди, вымытые, выброшенные, вытесненные из традиционной социальной среды самыми различными процессами, оказавшиеся на перепутье и на обочине. Урбанизация, особенно на начальной и средней стадиях, и тем более осуществляющаяся высокими темпами, кардинально разрушает старые общественные структуры, создавая «человека на перепутье», дезадаптированного и дезориентированного. Урбанизация обеспечивает новое структурирование общества, однако огромные слои населения не успевают в него «вписаться», остаются маргиналами. Обычно среди таких людей формируются радикальные политические идеи, находящие отклик и получающие популярность опять же преимущественно у маргиналов. Таким образом, можно согласиться с выводами ряда исследователей, что именно урбанизация создала социальную почву для революции, для леворадикальных движений и, прежде всего, большевизма [14].

С процессом урбанизации был связан и огромный рост социальной мобильности, в результате которого выигрывали весьма значительные слои населения. Таким образом, укреплялась социальная база большевиков. Как писал один из иностранных специалистов, работавших в те годы в советской России, «имелось множество смертельных опасностей, которых не смогли миновать миллионы людей. Но десятки миллионов... выжили и упорно работали, воодушевляемые своими новыми возможностями, надеясь на лучшую жизнь в будущем» [15]. И далее этот специалист подробно описал конкретные биографии людей, с которыми ему пришлось столкнуться в СССР. Очень распространенным явлением был ранний уход будущих коммунистов из семьи на заработки — 128 человек, чаще в Москву или Петроград, иногда вместе с отцом, иногда порознь, когда отец говорил сыну: «ты направо, я налево». Возраст ухода из родного дома колебался в пределах 10–15 лет. Встречались случаи ухода от родителей в девятилетнем возрасте.

Следующим фактором и одним из наиболее важных аспектов в осмыслении социально-психологического портрета «человека массы» является культурно-образовательный уровень. Абсолютное большинство в исследованных автобиографиях провинциальных коммунистов составляли люди с начальным или неполным начальным образованием — 340 коммунистов (82,9 %). Еще 30 человек (7,3 %) постигли азы грамоты самостоятельно. Среднее, средне-специальное и незаконченное среднее образование имели 28 человек (6,8 %), а высшее лишь 12 коммунистов (2,9 %).

Судя по возрасту коммунистов, практически все они получили начальное образование в дореволюционной России. Анализ данных по типу учебных заведений, в которых учились члены РКП(б), дает следующие результаты: основная масса имела за плечами народную школу (138 человек) и сельскую земскую начальную школу (130 человек), 24 коммуниста окончили городскую начальную школу, 22 — обучались в церковноприходском училище.

Дореволюционная начальная школа не могла дать будущим членам РКП(б) глубоких знаний, развить широкий кругозор и навыки самостоятельного мышления. Коммунистов, получивших начальное образование, нельзя считать образованными людьми в строгом смысле этого слова. В данном случае точнее говорить о том, что члены партии были грамотными или полуграмотными людьми.

О наличии высшего образования в своих автобиографиях упомянули 2,9 % коммунистов. На руководящие должности назначались коммунисты, не обладающие должной профессиональной компетентностью, эрудицией, а также необходимым набором знаний.

Большая часть коммунистов проходила обучение в течение 3 лет (44 %), 23 % учились до 2 лет включительно, 17 % посвятили своему

образованию 4 года, в течение 5 лет обучалось 5 %, больше 5 лет — 10 %. Можно предположить, что последние получили более качественное образование, закончив, например, городское училище (3–4-классное с шестилетним образованием) или гимназию (7-классную с восьмилетним образованием). Однако продолжительность времени обучения не была связана с уровнем полученного образования. В учебе будущих членов партии имелись перерывы, связанные в основном с бытовыми проблемами. Таким образом, на освоение начального курса затрачивалось длительное время, что также негативно сказывалось на качестве образования.

В одном учебном заведении учились 273 коммуниста, в двух и более — 84. Через различные профессиональные или общественно-политические курсы прошло 14 коммунистов. Среди таких курсов были указаны следующие: партийно-советские, политические курсы РККА, военные, технико-инженерные, юридические и курсы счетоводов. Еще 9 коммунистов имели за плечами советско-партийную школу, которая давала знания по общественно-политическим дисциплинам приблизительно на уровне среднего образования. Обучавшиеся в них члены партии получали дополнительные специальные знания — минимум, необходимый для выполнения работы в партийных и советских структурах.

Нельзя говорить о всесторонней, глубокой образованности провинциальных коммунистов, об их высоком уровне культуры. Речь можно вести, скорее, об уровне образования. В массе своей они были грамотными, но, как правило, имели образование не выше начального. Хотя уровень грамотности тоже был невысоким. Автобиографии изобиловали грамматическими ошибками, которые встречались даже в самом слове «автобиография». Писали и «автогеографии», и «автобеографии», и «истории жизни», и «автобиографии жизни».

В.И. Ленину стало понятно, что «каждая кухарка» не сможет управлять государственными делами и налаживать хозяйство даже лучше, чем прежние господствующие классы, еще весной 1918 года, и он выдвинул задачу привлечения к управлению специалистов, готовых служить советской власти [16]. Однако недоверие к беспартийным специалистам и реалии гражданской войны не позволили воплотить эту идею в полной мере. Поэтому на первое место вышла задача создания советской школы и подготовки квалифицированных управленческих кадров.

Фактуальной основой исследования стали политические и жизненные судьбы участников социально-политической ситуации раннего периода становления советской власти. Анализ показал, что 1920-е годы являются ареной массовых политических явлений не только в России, при этом человек, с одной стороны, представлял собой «винтик» в большой государственной машине, а с другой стороны, он ак-

кумулятивировал социальную энергию масс в своей субъективной субстанции.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Копосов Н. *Память старого режима. История и политика в России*. Москва, 2011.
- [2] Миллер А. Историческая политика в России: новый поворот? *Историческая политика в XXI веке*. А. Миллер, М. Липман, ред. Москва, 2012.
- [3] Святославский А.В. *История России в зеркале памяти: Механизмы формирования исторических образов*. Москва, 2013.
- [4] Ортега-и-Гассет Х. *Восстание масс*. Москва, 2003.
- [5] Голубев А.В. *Тоталитаризм как феномен Российской истории XX века. Власть и общество в СССР: политика репрессий (1920–1940 гг.)*. Москва, 1999.
- [6] Голубев А.В. *Мифологическое сознание в политической истории XX века. Человек и его время*. Москва, 1992.
- [7] Голубев А.В. *Мифологизированное сознание как фактор российской модернизации. Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX век)*. Москва, 1994.
- [8] *Девятая конференция РКП(б) 1920 года. Сентябрь 1920 года. Протоколы*. Москва, 1972.
- [9] Гимпельсон Е.Г. *Становление и эволюция советского государственного аппарата управления. 1917–1930 гг.* Москва, 2003, с. 300.
- [10] ГАДНИКО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 15. Л. 5; Ф. 476. Оп. 1. Д. 22. Л. 14; Ф. 476. Оп. 1. Д. 23. Л. 55; Ф. 476. Оп. 1. Д. 26. Л. 76; Ф. 476. Оп. 1. Д. 27. Лл. 22, 23, 72, 79; Ф. 476. Оп. 1. Д. 28. Лл. 44, 45; Ф. 476. Оп. 1. Д. 30. Лл. 173, 189, 220; Ф. 476. Оп. 1. Д. 32. Лл. 126, 173; Ф. 476. Оп. 1. Д. 38. Л. 134; Ф. 476. Оп. 1. Д. 54. Л. 12; ЦНИТО. Ф. 642. Оп. 1. Д. 47. Л. 63; Ф. 642. Оп. 1. Д. 58. Лл. 33, 67, 98; Ф. 642. Оп. 1. Д. 74. Л. 52; Ф. 642. Оп. 1. Д. 80. Л. 81.
- [11] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 166. Л. 137.
- [12] Протасов С.П. Численность и социальный состав организаций РКП(б) Центрального Черноземья накануне перехода к НЭПу. *НЭП: экономика, политика, идеология. Тезисы докладов и сообщений научных конференций*. Тамбов, 1991, с. 14–15.
- [13] *Известия Калужского губкома*. 1921, № 4, с. 19–21.
- [14] Сенявский А.С. Российский тоталитаризм: урбанизация в системе факторов его становления, эволюции и распада. *Власть и общество в СССР: политика репрессий (1920–1940 гг.)*. Москва, 1999.
- [15] Шуман Ф. *Россия после 1917 года. Четыре десятилетия советской политики*. Москва, 1959, вып. 1, с. 164–165.
- [16] Ленин В.И. Очередные задачи советской власти. *Полн. собр. соч. Т. 36*.

Статья поступила в редакцию 06.02.2015

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Мясников А.А. Субъекты политических процессов в период становления советской власти. *Гуманитарный вестник*, 2015, вып. 07/2015. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/268.html>

Мясников Антон Андреевич — канд. ист. наук, преподаватель кафедры СЭЗ-КФ «Философия и политология» КФ МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: antony831@rambler.ru

The Subjects of Political Processes during the Period of Soviet System Formation

© A.A. Myasnikov

Bauman Moscow State Technical University, Kaluga Branch, Kaluga, 248000, Russia

The article describes the subjects of the political process in the first years of Soviet System, their particular historical specific characteristics. There made an attempt to organize and summarize relevant scientific approaches to understanding one of the most pivotal eras in the history of our country through the concept of the "subject of the political process".

Keywords: *subject of political processes, revolt of the masses, mass society, mass consciousness, social and psychological portrait, course of life.*

REFERENCES

- [1] Koposov N. *Pamyat starogo rezhima. Istoriya i politika v Rossii* [The Memory of the Old Regime. History and Politics in Russia]. Moscow, 2011.
- [2] Miller A. *Istoricheskaya politika v Rossii: novyi povorot?* [Historical Policy in Russia: a New Turnround?]. In: *Istoricheskaya politika v XXI veke* [Historical Policy in XXI century]. *Collection of articles*. Miller A., Lipman M., eds. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, 648 p.
- [3] Svyatoslavskiy A.V. *Istoriya Rossii v zerkale pamyati: mekhanizmy formirovaniya istoricheskikh obrazov* [History of Russia in the Mirror of Memory: Mechanisms of Historical Image Formation]. Moscow, 2013.
- [4] Ortega y Gasset J. *The Revolt of the Masses*. W. W. Norton & Company Publ., 1994, 192 p. [in Russian: Ortega y Gasset H. *Vosstanie mass*. Moscow, 2003].
- [5] Golubev A.V. *Totalitarizm kak fenomen Rossiyskoy istorii XX veka*. [Totalitarianism as a Phenomenon of Russian History of the Twentieth Century]. In: *Vlast i obschestvo v SSSR: politika repressiy (1920–1940 gg.)* [Government and Society in the USSR: Policy of Repression (1920–1940)]. Moscow, 1999.
- [6] Golubev A.V. *Mifologicheskoe soznanie v politicheskoy istorii XX beka. Chelovek i ego vremena* [Confabulated Consciousness in the Political History of the Twentieth Century. Individual and His Time]. Moscow, 1992.
- [7] Golubev A.V. *Mifologizirovannoe soznanie kak factor rossiyskoy modernizatsii. Mirovospriyatie i samosoznanie russkogo obschestva (XIX–XX vek)* [Confabulated Consciousness as a Factor in Russia's Modernization. Mentality and Self-Consciousness of Russian Society (XI–XX century)]. Moscow, 1994.
- [8] *Dvyataya konferentsiya RKP (b) 1029 goda. Sentyabr 1920. Protokoly* [The Ninth Conference of the RCP (b) 1920. September, 1920. Protocols]. Moscow, 1972.
- [9] Gimpelson E.G. *Stanovlenie i evolutsiya sovetskogo gosudarstvennogo apparata upravleniya. 1917–1930 gg* [Formation and Evolution of the Soviet State Administrative Apparatus 1917–1930]. Moscow, 2003, 300 p.
- [10] *Gosudarstvennyy Arkhiv Dokumentov Noveyshey istorii Kaluzhskoy oblasti* [State Archive of Contemporary History of the Kaluga Region] F. 476. Op. 1. D. 15. L. 5; F. 476. Op. 1. D. 22. L. 14; F. 476. Op. 1. D. 23. L. 55; F. 476. Op. 1. D. 26. L. 76; F. 476. Op. 1. D. 27. Ll. 22, 23, 72, 79; F. 476. Op. 1. D. 28. Ll. 44, 45; F. 476. Op. 1. D. 30. Ll. 173, 189, 220; F. 476. Op. 1. D. 32. Ll. 126, 173; F. 476. Op. 1. D. 38. L. 134; F. 476. Op. 1. D. 54. L. 12;

- TsNI-TO. F. 642. Op. 1. D. 47. L. 63; F. 642. Op. 1. D. 58. Ll. 33, 67, 98; F. 642. Op. 1. D. 74. L. 52; F. 642. Op. 1. D. 80. L. 81.
- [11] *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History]. F.17. Op.7. D.166. L137.
- [12] Protasov S.P. Chislennost i sotsialnyy sostav organizatsiy RKP(b) Tsentralnogo Chernozemya nakanune perekhoda k NEPu. [Size and Social Structure of the RCP (B) Organizations in the Region of Central Black Earth on the Eve of the Transition to the NEP]. *NEP: ekonomika, politika, ideologiya* [NEP: Economics, Politics, Ideology]. Abstracts and reports of scientific conferences. Tambov, 1991, p. 14–15.
- [13] *Izvestiya Kaluzhskogo gubkoma — Proceedings of the Kaluga Provincial Committee*, 1921, no. 4, pp. 19–21.
- [14] Senyavskiy A.S. Rossiyskiy totalitarizm: urbanizatsiya v sisteme faktorov ego stanovleniya, evolyutsii i raspada [Russian Totalitarianism: Urbanization in the System of Factors of Its Formation, Evolution and Decay]. In: *Vlast i obschestvo v SSSR: politika repressiy (1920–1940 gg.)* [Government and Society in the USSR: Policy of Repression (1920–1940)]. Moscow, 1999.
- [15] Shuman F. *Rossiya posle 1917 goda. Chetyre desyatiletiya sovetskoy politiki* [Russia after 1917. Four Decades of Soviet Policy]. 1959, no. 1, pp. 164–165.
- [16] Lenin V.I. Ocherednye zadachi sovetskoy vlasti [Immediate Tasks of the Soviet Government]. *Complete set of works, vol. 36*.

Myasnikov A.A., candidate of historical sciences, lecturer at the Department of Philosophy and Political Science at Bauman Moscow State Technical University, Kaluga Branch. e-mail: antony831@rambler.ru